

военнослужащих на стадии возбуждения дела, непосредственного производства дознания и предварительного следствия, невосполнимые пробелы в доказательной базе, необоснованное увеличение сроков следствия или прекращение производства по уголовному делу и оправдание лица привлекаемого к уголовной ответственности.

Важнейшей задачей органов дознания в настоящее время является такое расследование уголовных дел, при котором неуклонно соблюдались бы все требования закона, охранялись права и законные интересы участвующих в деле лиц, не допускалось ни малейшего отклонения от установленных законами процессуальных гарантий.

Дальнейшее совершенствование уголовно-процессуального законодательства о дознании должно быть направлено на повышение оперативности и качества расследования уголовных дел, на усиление борьбы с преступностью в Вооруженных Силах Республики Беларусь.

Список использованных источников

1 Белкин, Р.С. Курс криминалистики / Р.С.Белкин. - 3-е изд., дополненное. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001.–Т. 2. – 837 с.

2 Кузнецов, Н.И., Старое, Б.Ф. Военная администрация. Учебник / Н.И.Кузнецов. - М., 1998. – 352 с.

3 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.: одобрен Советом Республики 30 июня 1999 г.: текст Кодекса по состоянию на 23 января 2012 г. – Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2012. – 432 с.

4 Шостак, М.А. Уголовный процесс: учебное пособие / М.А.Шостак. –Минск, 2008. – 630 с.

А.А. Козявин

канд. юрид. наук, доц.

ФГБОУ ВПО «Юго-Западный государственный университет»

ДОСУДЕБНОЕ И СУДЕБНОЕ ПРОИЗВОДСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ И ИХ СИСТЕМНАЯ СВЯЗЬ

Уголовное судопроизводство в России, похоже, обречено находиться в процессе постоянного изменения его процессуальных форм, причем как к лучшему, так и к худшему. Это не может не ставить вопрос о системности модернизации, ее соответствия представлениям об уголовном процессе как системе, которое в науке сформировалось отнюдь не окончательно.

В принципе, система отправления правосудия по уголовным делам предполагает разные способы систематизации. Так, Ю.К. Якимович под уголовно-процессуальной системой понимал, во-первых, совокупность всех конкретных уголовно-процессуальных производств: обычное производство, производство по делам несовершеннолетних и т.д., во-вторых, в зависимости от направленности производства, выражающейся в его задачах и целях: основные производства (для решения основного вопроса уголовного судопроизводства – о виновности лица в совершении инкриминируемого деяния), дополнительные (для изменения или досрочного прекращения установленного приговором суда уголовно-правового отношения) и особые (для применения принудительных мер медицинского характера) [1].

Р.Д. Рахунов [2], В.А. Стрёмовский [3], Н.Н. Полянский [4] и Л.Н. Масленникова [5], обоснованно представляя уголовно-процессуальную деятельность как систему действий всех участников, видят в этом способ систематизации [2]. О.В. Волколуп, не соглашаясь с ними, полагает, что многообразие процессуальных действий, одни из которых совершаются при реализации властных полномочий, другие – при исполнении процессуальных обязанностей, третьи – при осуществлении прав, не позволяет систематизировать урегулированную нормами уголовно-процессуального права деятельность [6], а потому система уголовного процесса может быть сведена к системе его стадий.

На наш взгляд, попытка систематизации уголовного процесса путем выделения лишь элементарного состава не может быть признана плодотворной. Ведь основой любой социальной (в том числе уголовно-процессуальной) системы является деятельность ее субъектов, несмотря на то, что она неоднородна не только по своим видам, институтам и стадиям, но и по целям (задачам), происходящим из особенностей выполняемой ею функции. В этом плане для нас принципиально утверждение М. Вебера о том, что сущность социального исходит не из социальной тотальности (народ, государство и т.д.), а из социального действия ее (тотальности) индивидов [7], а то, что такая позиция «не дает возможности понять результатов общественного процесса, которые сплошь и рядом не совпадают с направленностью индивидуальных действий» [8], лишь подчеркивает важность качественного правового регулирования исследуемой деятельности с целью придать ему магистральное направление. Такой магистралью сегодня является ст. 2 Конституции РФ, признающая человека, его права и свободы высшей ценностью.

Как уже было отмечено, одной из важнейших форм систематизации уголовного судопроизводства является выделение системы стадий. Она включает их элементарный состав, временную очередность и основания

смены стадий (субординационно-координационная связь), а также особенности процессуальной деятельности участников судопроизводства как закон, определяющий обусловленность смены стадий процесса (структура). Данная система весьма подвижна, поэтому еще недавно мы считали апелляцию и кассацию двумя разными формами стадии производства в суде второй инстанции, а сегодня они обособились в самостоятельные стадии.

Основная задача здесь – зафиксировать непротиворечивость перехода из стадии в стадию без ущерба для целей правосудия. Однако этого новый УПК и не обеспечил, упразднив всякую возможность в суде переквалификации деяния на более тяжкое обвинение, будь то простое его перепредъявление, как предлагают теоретики [9], или возвращение уголовного дела для производства дополнительного расследования, как было в УПК РСФСР [10]. В результате, досудебные стадии, где следователь не в состоянии предвидеть исход дела, его конечную процессуальную (доказанность) и правовую (квалификация) судьбу, не стыкуются с производством по делу в суде, что формирует процессуальный тупик [11].

В такой ситуации выводы обвинительного приговора по сформулированному в обвинительном заключении обвинению, вполне вероятно, не будут соответствовать установленным в судебном заседании фактическим обстоятельствам уголовного дела, что есть основание для отмены или изменения приговора в соответствии с п. 1 ст. 389¹⁵, ст. 389¹⁶ УПК РФ, за которое суд, по мнению В.М. Лебедева, не должен и не может отвечать в условиях состязательного построения процесса, где ошибка – следствие непрофессионализма сторон [12], при том, что право на активность суд в соответствии с действующим законом имеет (ч. 3 ст. 279, ч. 2 ст. 281, ст. 282, 283, 285 - 290 УПК РФ). Тем не менее, в этом уже видится нарушение конституционного права потерпевшего на судебную защиту, гарантированного ч. 1 ст. 46 и ст. 52 Конституции РФ.

Разрешить данную проблему через институт дополнительного расследования, на наш взгляд, не приемлемо, ибо таким образом будет уничтожен мощный процессуальный стимул для совершенствования процессуальной деятельности следователя и дознавателя, хотя после внесения поправок в ст. 237 УПК РФ Федеральными законами 2008, 2010 и 2013 годов особых правовых препятствий к дополнительному расследованию уже, к сожалению, не осталось.

Кроме того, несмотря на непоследовательные правовые позиции Конституционного Суда РФ 2000-х годов, противоречащие высказанным им же в 90-е годы прошлого века [13], и мнение некоторой части судейского корпуса [14], очевиден и антидемократизм указанного подхода, позволяющего осуществлять безрезультатное уголовное преследование до бесконечности, что нарушает закрепленные ст. 6

Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод права обвиняемого на рассмотрение дела о предъявленном ему обвинении в разумный срок, а также положения одноименного принципа российского уголовного процесса (ст. 6¹ УПК РФ). Дополнительное расследование – это, наконец, способ снять с суда ответственность за разрешение уголовного дела по существу, если его внутреннее убеждение о виновности лица не выдерживает проверки разумными сомнениями, однако некоторые доказательства все же убедительны. Не случайно проблема направления дел на дополнительное расследование вместо вынесения оправдательного приговора была специальным предметом рассмотрения Верховного Суда РФ. Иными словами, институт дополнительного расследования «похоронит» в процессуальной практике все правила презумпции невиновности, которая долго искала своего нормативного закрепления в российском законе, а еще сложнее приживается в правовом сознании постсоветских судей.

На наш взгляд, несмотря на скептицизм практиков и теоретиков [15], ориентируясь на зарубежный опыт и опыт Судебных Уставов 1864 года, следуя логике законодателя, не запрещающей суду определить лицу, признанному виновным, наказание больше, чем просил обвинитель возможно разрешить государственному обвинителю формулировать обвинение в окончательной редакции, в том числе и в сторону ухудшения положения подсудимого, по итогам судебного следствия с соблюдением некоторых условий, касающихся необходимости обеспечить право подсудимого на защиту. К числу таких условий следует отнести: 1) изменение обвинения в сторону ухудшения допустимо исключительно по итогам судебного следствия; 2) новое обвинение, ухудшающее положение подсудимого, должно основываться на доказательствах, исследованных в судебном заседании; 3) осударственный обвинитель обязан мотивировать необходимость изменения обвинения в сторону ухудшения положения подсудимого, изложив суду причины, обусловившие невозможность предъявления подсудимому данного обвинения на стадии предварительного расследования; 4) суд обязан продолжить судебное следствие, объявить перерыв и отложить судебное разбирательство для предоставления стороне защиты разумного времени на подготовку к защите в изменившихся условиях; 5) суд, постановляя приговор, обязан отдельно обсудить обоснованность и мотивированность изменения обвинения в сторону ухудшения положения подсудимого.

Для реализации этого следует внести изменения и дополнения в ряд статей действующего УПК РФ, регламентирующих порядок изменения подсудности суда (ч. 1 ст. 34), права и обязанности государственного обвинителя в судебном заседании (ст. 246), пределы судебного разбирательства (ст. 252), основания отложения судебного

разбирательства (ст. 253), окончание судебного следствия (ст. 291), а также внести в главу 39 УПК РФ специальную статью, закрепляющую порядок обсуждения в совещательной комнате вопроса о правомерности изменения государственным обвинителем обвинения.

Так, статью 246 необходимо дополнить новыми частями 8¹ и 8² следующего содержания:

«8¹. Государственный обвинитель с соблюдением условий, предусмотренных частью 8² настоящей статьи, до объявления судебного следствия оконченным может заявить суду об изменении обвинения в сторону, ухудшающую положение подсудимого, путем:

1) включения в юридическую квалификацию деяния признаков преступления, отягчающих наказание;

2) переквалификации деяния в соответствии с нормой Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей более жесткое наказание.

8². В случаях, предусмотренных частью 8¹ настоящей статьи, государственный обвинитель излагает суду мотивы изменения обвинения, а также причины, обусловившие невозможность предъявления подсудимому данного обвинения на стадии предварительного расследования. При этом вновь выдвинутое обвинение должно основываться на доказательствах, исследованных в судебном заседании».

В статье 252 часть 2 надлежит изложить в следующей редакции:

«2. Изменение обвинения в судебном разбирательстве допускается, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту за исключением случая, предусмотренного частью 3 настоящей статьи.»

Кроме того, данную статью требуется дополнить новой частью 3 следующего содержания:

«3. Изменение обвинения в судебном разбирательстве, если этим ухудшается положение подсудимого, допускается в исключительных случаях по инициативе государственного обвинителя в порядке, предусмотренном частями 8¹ и 8² статьи 246 настоящего Кодекса. При этом суд откладывает судебное разбирательство для предоставления стороне защиты достаточного времени на подготовку к защите от вновь выдвинутого обвинения либо, если новое обвинение изменяет подсудность дела, установленную статьей 31 настоящего Кодекса, выносит постановление или определение о направлении данного уголовного дела по подсудности».

Часть 1 статьи 291 необходимо изложить в следующей редакции:

«1. По окончании исследования представленных сторонами доказательств председательствующий опрашивает стороны, желают ли они дополнить судебное следствие. В случае заявления ходатайства о

дополнении судебного следствия суд обсуждает его и принимает соответствующее решение. В случае заявления государственным обвинителем об изменении обвинения в порядке, предусмотренном частями 8¹ и 8² статьи 246 настоящего Кодекса, суд продолжает судебное следствие и выполняет действия, предусмотренные частью 3 статьи 252 настоящего Кодекса».

Наконец, нужно дополнить закон статьей 299¹ следующего содержания: «Статья 299¹. Обсуждение вопроса об изменении государственным обвинителем обвинения в сторону, ухудшающую положение подсудимого

1. Если в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель изменил обвинение в порядке, предусмотренном частями 8¹ и 8² статьи 246 настоящего Кодекса, суд обязан отдельно обсудить доводы государственного обвинителя об исключительных обстоятельствах, требующих изменения обвинения, и о причинах, сделавших его предъявление невозможным на стадии предварительного расследования.

2. Признав доводы государственного обвинителя обоснованными, а условия, предусмотренные частями 8¹ и 8² статьи 246 настоящего Кодекса, выполненными, суд обсуждает вопросы, предусмотренные пунктами 1 – 6 части 1 статьи 299 настоящего Кодекса в пределах вновь предъявленного обвинения».

Комплекс указанных нормативных предписаний вполне может быть усовершенствован с точки зрения юридической техники, однако и сегодня он в состоянии обеспечить должный уровень разрешения старой проблемы, предотвратив полную системную деградацию процессуальной формы. Более того, возможность изменения в суде обвинения на ухудшающее положение подсудимого прямо вытекает из резолютивной части постановления Конституционного суда РФ от 2 июля 2013 года, ибо неконституционным признана именно зависимость суда от позиции стороны обвинения, чего не должно быть в силу действия конституционного принципа разделения властей [16]. В то же время полагаем, что наделение суда правом инициировать ужесточение в суде обвинения явно выходит за конституционное содержание функции осуществления правосудия, а потому в этой части позиция Конституционного суда ошибочна.

Список использованных источников

1 Якимович Ю.К. Структура советского уголовного процесса: система стадий и система производств. Основные и дополнительные производства. - Томск, 1991. - С. 3, 9.

2 Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. - М., 1961. - С. 14, 23, 273 – 274.

3 Стремовский В.А. Участники предварительного следствия. -Ростов-на-Дону, 1966. -С. 15 – 25;

4 Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. - М., 1956. - С. 45;

5 Масленникова Л.Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. - М., 2000. - С. 37.

6 Волколуп О.В. Система уголовного судопроизводства и проблемы ее совершенствования. - СПб. - С. 17 – 18.

7 Арон Р. Этапы развития социологической мысли / Общ. ред. и предисл. П.С. Гуревича. - М., 1992. - С. 546 – 552.

8 История социологии: Учеб. пособие / Елсуков А.Н., Бабосов Е.М., Грицанов А.А. и др. / Под общ. ред. А.Н. Елсукова и др. - Минск, 1993. - С. 148.

9 Колоколов Н.А. Проект УПК РФ: реальность и иллюзии // Юридический вестник. - 2001. - № 7. - С. 3 - 4.

10 Гармаев Ю. Всесторонность и полнота расследования // Законность. - 2002. - № 9. - С. 8.;

11 Божьев В. «Тихая революция» Конституционного Суда в уголовном процессе Российской Федерации // Российская юстиция. - 2000. - № 10. - С. 9 - 11.

12 Лебедев В.М. Судебная власть в современной России: проблемы становления и развития. - СПб., 2001. - С. 156.

13 Постановление Конституционного суда РФ от 4 марта 2003 г. «По делу о проверке конституционности положений п. 2 ч. 1 и ч. 3 ст. 232 УПК РСФСР в связи с жалобами граждан Л.И.Батищева, Ю.А.Евграфова, О.В.Фролова и А.В.Шмелева» // Собрание законодательства РФ. - 2003. - № 12. - Ст. 1176.

14 Давыдов В.А. Пересмотр в порядке надзора судебных решений по уголовным делам: производство в надзорной инстанции: Науч.-практ. пособ. - М., 2006. - С. 99 – 100.

15 Социологический опрос и аргументацию Х.М. Лукожева: Лукожев Х.М. - Указ. соч. - С. 135.

16 Постановление Конституционного суда РФ от 2 июля 2013 г. «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда» // Российская газета. - 2013. - 12 июля.

В.В. Конин

канд. юрид. наук, доц.

Калининградский филиал АНОУВПОА

«Международный университет в Москве»

НЕГАТИВНЫЕ ФАКТОРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕФОРМАЦИИ АДВОКАТА

Право на защиту лица от наступления возможных неблагоприятных последствий в случае совершения лицом преступления и привлечения его к уголовной ответственности (т.е. при возникновении специфического правового конфликта между обществом и личностью) предусмотрено как нормами российского законодательства, так и нормами международного права, в частности Европейской Конвенцией о защите прав человека и основных свобод. Следует отметить, что ныне действующая система российского права является открытой, достаточно тесно связана с нормами международного права и, в первую очередь, с общепризнанными принципами и нормами международного права в области защиты прав человека и основных свобод, зачастую дублирует эти нормы в российском законодательстве.

В наиболее полной мере нормы международного права стали имплементироваться в российское законодательство после принятия Конституции России 1993 года, поскольку сама Конституция в определенной мере заимствовала нормы международного права в области прав человека и их защите. Так, например, право на справедливое судебное разбирательство, установленное нормой ч. 1 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, в определенной мере проявляется в нормах ч. 1 и 2 ст. 46 Конституции РФ (гарантия судебной защиты и права на обжалование), ч. 1 ст. 123 Конституции РФ (открытость судебного разбирательства). Положения статьи 13 Европейской конвенции нашли свое отражение в статье 48 Конституции РФ (право каждого на квалифицированную юридическую помощь, в том числе и бесплатную, в случаях, указанных в законе).

Гарантированная Конституцией РФ защита прав и свобод человека и гражданина означает, что общество берет на себя обязательства по защите законных интересов, прав и свобод каждой конкретной личности. Рассматривая право на защиту личности в рамках уголовного судопроизводства, мы приходим к выводу, что право на защиту – это субъективное